

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. В.

ГЛОТТАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: НОВАЯ ПАРАДИГМА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ СРАВНИТЕЛЬНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Применение принципов языковой типологии и лингвистических универсалий к теоретическим постулатам сравнительно-исторического языкознания и языковой реконструкции требует переформулировки целей и задач исторической лингвистики вообще и языковой реконструкции — в частности.

Принцип типологической вероятности (как в синхронии, так и в диахронии) постулированной модели праязыка дает возможность по-новому подойти к изучению проблем сравнительного языкознания и делает необходимым пересмотр традиционных взглядов на реконструируемые праязыковые системы, в частности в праиндоевропейском и входящих в него родственных диалектах. На основе сравнительных и типологических данных традиционная тернарная система праиндоевропейских смычных должна получить новое фонологическое истолкование, в связи с чем традиционные «чистые (простые) звонкие» следует интерпретировать как г л о т т а л и з о в а н н ы е.

Три серии смычных, в свете новой интерпретации, должны состоять из: I. глоттализированных, II. звонких (-аспират), III. глухих (-аспират), причем аспирация в данном случае является фонетически релевантным, но фонематически избыточным признаком. Такая ревизия консонантизма известна в современной индоевропеистике как Г л о т т а л ь н а я т е о р и я и рассматривается как новая парадигма в индоевропейском сравнительном языкознании (в смысле Томаса Куна) [1] ¹ (табл. на с. 27).

Глоттальная теория по-новому рассматривает праиндоевропейскую языковую модель и ее диахронические преобразования в исторически представленных и.-е. языках. С точки зрения Глоттальной теории эти преобразования полностью отличаются от тех, которые традиционно постулируются. Архаичный инвентарь и.-е. смычных оказывается более близким к инвентарю тех языков, где, в соответствии с традиционными взглядами, произошли поздние сдвиги согласных, или *Lautverschiebung* (германский, армянский, хеттский). С другой стороны, оказывается, что языки, традиционно считающиеся фонологически консервативными (особенно древнеиндийский), претерпели сложные фонемные преобразования консонантизма. Типологический подход к языковой реконструкции требует радикальной реинтерпретации всех основных положений, полученных в результате сравнительного изучения и.-е. языков. Следует в этой связи

¹ Американский ученый Ф. Болди выразил это следующим образом: «...ясно, что глоттальная теория является новой парадигмой в индоевропейском языкознании и сравнима по своей значимости с ларингальной теорией. Когда эта теория будет принята, потребуются полная переформулировка всех основных положений индоевропеистики... Тот факт, что принятие этой теории потребует радикальной переработки всех словарей и стандартных пособий, а также отказа от таких освященных временем „любимцев“ индоевропеистов, как закон Гримма и армянское передвижение согласных, просто не может служить причиной для отказа от этой теории» [1].

Три серии праиндоевропейских смычных

Традиционная система			Рейнтерпретированная по Глоттальной теории система		
I	II	III	I	II	III
(b)	bh	p	(p')	bh/b	ph/p
d	dh	t	t'	dh/d	th/t
g	gh	k	k'	gh/g	kh/k
g	gh	k	k̃'	g̃h/g̃	k̃h/k̃
g ^w	g ^w h	k ^w	k'°	gh°/g°	kh°/k°

привести слова В. Лемана: «То, что казалось наиболее прочным достижением лингвистики XIX в., сейчас должно быть изменено по всем параметрам» ([2]; ср. [3]). Такая реинтерпретация основных положений индоевропеистики, добытых на основе применения сравнительно-исторического метода, была предпринята нами совместно с Вяч. В. Ивановым в специальной монографии ([4], ср. [5]).

Критика, направленная против Глоттальной теории, касается главным образом принятой методики языковой реконструкции, которая некоторыми учеными называется типологической реконструкцией в отличие от традиционной, рассматриваемой как сравнительная реконструкция: последняя преподносится в качестве единственной имеющей право на существование процедуры языковой реконструкции. Использование для этих целей типологии считают «чистым заблуждением» [6].

Представляется, что это обусловлено неправильным пониманием целей и задач языковой реконструкции вообще и индоевропейской реконструкции — в частности. Не существует такой процедуры, как типологическая реконструкция, принципиально противопоставляемая сравнительной или внутренней реконструкции. Современные методологические предпосылки языковой реконструкции по необходимости требуют принятия во внимание типологических соображений в процессе сравнительной и внутренней реконструкции. Любая языковая реконструкция должна быть основана на сравнительных данных. Однако в то же время необходимо принимать во внимание и типологическую вероятность (как в синхронии, так и в диахронии) лингвистической системы, которую удастся установить на основе сравнительной и внутренней реконструкции. Выражаясь иначе, сравнительная реконструкция должна идти рука об руку с типологией и языковыми универсалиями. В противном случае мы получим на основе сравнительной реконструкции систему, которая лингвистически маловероятна и представляет исключение по отношению к типологически достоверным языковым данным. Следовательно, в диахронической лингвистике мы должны говорить исключительно о сравнительной языковой реконструкции, дополняемой в некоторых случаях внутренней реконструкцией праязыковых моделей, а типология и языковые универсалии являются в сущности лишь критериями проверки правильности тех или иных реконструкций.

Типологические проверенные лингвистическим моделям, полученным на основе сравнительной и внутренней реконструкции, следует отдавать предпочтение перед типологически редкими и маловероятными моделями, которые теоретически также можно постулировать на основе языкового сравнения. Среди различных теоретически возможных моделей лингвистической реконструкции, полученных с помощью гене-

тического сравнения родственных диалектов, в свете типологических критериев предпочтение должно быть отдано только одной модели, рассматриваемой в качестве наиболее достоверной и реалистичной лингвистически и дающей возможность объяснить целый ряд исторических фактов, которые не поддаются удовлетворительной интерпретации с точки зрения прочих реконструированных моделей.

Все эти соображения следует положить в основу процедуры сравнительной и внутренней реконструкции, при которой должное внимание следует уделять типологическим критериям лингвистической достоверности теоретически постулируемых лингвистических моделей, которые в первом приближении будут отражать праязыковую систему, существовавшую в пространстве и времени.

Если бы реконструируемая языковая прасистема с очень редкими и исключительными характеристиками оказалась бы исторически засвидетельствованной, возникла бы необходимость дать объяснение ее особых структурных признаков и допустить определенные более ранние стадии ее развития, позволяющие объяснить своеобразные и типологически исключительные черты этой системы. Это было бы методологически необходимой процедурой объяснения типологического своеобразия исторически засвидетельствованной языковой системы, которая выступала бы в качестве прасистемы по отношению к группе родственных диалектов.

Именно это и делается некоторыми учеными с целью любыми способами оправдать своеобразные структурные характеристики традиционно реконструируемого консонантизма праиндоевропейской языковой системы, состоящей из трех рядов смычных — чистых смычных, звонких аспират, глухих. При этом почему-то считается само собой разумеющимся, что перед нами не теоретически постулируемый лингвистический конструкт, а исторически засвидетельствованная реальная языковая система, структурные своеобразия которой следует каким-то образом оправдать и объяснить.

Нам представляется, что исходную систему смычных в индоевропейском не следовало с самого начала постулировать в том виде, в каком она была традиционно представлена, поскольку такая модель была обусловлена чистой исторической случайностью, возникшей под влиянием древнеиндийской системы, в свое время считавшейся образцом, и в связи с отсутствием у основателей сравнительного языкознания строгой методологии реконструкции.

В самом деле, какой элемент следует постулировать для прасистемы в ряду фонемных соответствий $d:d:d:d:t:t$ и т. д. — $*d$, $*t$ или какой-то третий элемент, отличный от двух исторически засвидетельствованных? Логически следует допустить все три возможности, ибо ни один из этих элементов а priori не исключен. Решение в подобных случаях должно основываться полностью на типологических соображениях с целью реконструировать такую языковую систему, которая в целом была бы лингвистически наиболее вероятной и достоверной, не представляющей исключения по отношению к общей массе типологических данных. Вот почему в этом ряду соответствий предпочтение следует отдать постулированию для праиндоевропейской системы такого элемента, который фонематически является глухим и характеризуется дополнительным различительным признаком глоттализации².

² Постулирование глоттализированных смычных для протоиндоевропейского вызвало возражение в связи с отсутствием в праиндоевропейской системе сибиллянтных аф-

Постулирование глоттализированных вместо традиционных звонких смычных, кроме того, дает возможность объяснить отсутствие звонких (*mediae*) в праиндоевропейских флексиях. В позиции конца слова представлены только *-*d* в местоимениях среднего рода и *-*od* в аблативе ед. числа, хотя здесь не исключена возможность определенной нейтрализации [11, с. 44].

На то же самое указывает и типологически достоверная интерпретация распределения частотности праиндоевропейской системы трех серий фонем. Статистические данные, приводимые Жюкуа [10], показывают следующие частотные характеристики рассматриваемых фонемных серий:

Серия I —	6,2%
Серия II —	8,9%
Серия III —	17,7%.

С типологической точки зрения вполне очевидно, что серия звонких смычных в фонемной системе, будучи менее маркированной, чем соответствующая серия звонких аспиратов, не может характеризоваться более низкой частотностью по сравнению с последней. При реинтерпретации Серии I как серии эктивных показатели частотности указанных трех серий в праиндоевропейской системе вполне согласуются с установленными типологически показателями частотного распределения глоттализированных согласных по отношению к другим фонемным сериям в языковой системе.

То же, видимо, справедливо и для интерпретации распределения частотности праиндоевропейских смычных с различным местом артикуляции. Здесь, согласно статистике Жюкуа, традиционные чистые звонкие смычные — наиболее частотны, а звонкие аспираты — наиболее многочисленны:

	Звонкие	Звонкие аспираты	Глухие
Лабиальные	0	129	143
Лабовелярные	37	12	18

Эти числовые данные можно также, вполне естественно, обосновать, если постулировать эктивы вместо чистых звонких смычных. Независимо проведенные типологические исследования дали возможность

ффрикат. Такое возражение предполагает существование универсалии, согласно которой наличие в системе сибилантных аффрикат имплицитруется наличием в инвентаре глоттализированных смычных.

Сибилантные аффрикаты широко распространены в языках мира либо в совокупности с глоттализированными смычными, либо без них [7, 8]. Единственная импликационная универсалия, соотносящая глоттализированные смычные с аффрикатами, могла бы быть сформулирована следующим образом: если язык, имеющий глоттализированные смычные, в то же время характеризуется наличием сибилантных аффрикат, то один из рядов аффрикат также будет глоттализированным. Это значит, что в подсистеме сибилантных аффрикат можно ожидать наличие глоттализированных аффрикат типа *c'*, *ɟ'* в связи с присутствием в инвентаре глоттализированных смычных *p'*, *t'*, *k'*. Обратное, однако, неверно, т. е. существование глоттализированных фонем в подсистеме смычных не имплицитует само по себе наличие аффрикат. В качестве примеров фонемных систем, имеющих в своем составе глоттализированные смычные, но не имеющих аффрикат, можно указать на следующие: геес (Эфиопия), капеу (район Индийского и Тихого океанов: юго-западная Гвинея,) майду (пенутийская семья: сев. Калифорния), нэ персе (пенутийская семья: Айдахо). Однако системы с одновременным наличием как глоттализированных смычных, так и аффрикат намного более обычны в связи с широким распространением сибилантных аффрикат в фонемном инвентаре различных языков мира [9]. Даже праиндоевропейский, как полагает Венеман [10], возможно, обладал сибилантными аффрикатами — по крайней мере, в виде аллофонов.

установить, что серия глоттализированных согласных, будучи в целом более маркированной (рецессивной) *p*, следовательно, менее многочисленной, чем другие консонантные серии в фонемной системе, тем не менее хорошо представлена в велярной и лабиовелярной точке артикуляции и, таким образом, превосходит по частотности серии звонких и глухих, артикулируемых в этих точках: $N(k', k'') > N(k, k'', g, g'')$ [13]. Все это вполне согласуется с естественными фонетическими характеристиками рассматриваемых фонем и лишний раз указывает на необходимость рассматривать традиционные *mediae* как глоттализированные согласные или эктивны [14].

В некоторых работах рекомендуется даже оправдать и «спасти» традиционный и.е. консонантизм, как будто это — исторически засвидетельствованная система, а не гипотетический конструкт, как и любая другая лингвистическая реконструкция; рекомендуют рассматривать чистые звонкие смычные с сильно маркированным лабиальным $*b^3$ и весьма обычным, немаркированным велирным $*g$ в качестве результата преобразования более ранней системы на доиндоевропейской стадии, для которой постулируются звонкие импловзивные.

Выдвижение новых концепций и альтернативных теорий для праиндоевропейского стало очень популярно в последнее десятилетие после того, как нами в 1972 г. и П. Хоппером в 1973 г. была выдвинута Глоттальная теория⁴. Что касается постулирования «звонких импловзивных»

³ В своей недавней попытке подвергнуть критике Глоттальную теорию О. Семереньи пытается отклонить положение о том, что в праиндоевропейском отсутствовал звонкий лабиальный $*b$. Он ссылается при этом на формы с *b* в срединной позиции в словах типа лат. *lūbricus*, *lūbo*, гот. *diups*. О. Семереньи допускает, что «в начальной позиции $*b$ встречается редко, если встречается вообще, но в срединной позиции оно активно представлено» [15, с. 12]. Однако такая «активная представленность» $*b$ в срединной позиции ограничивается главным образом западными («древнеевропейскими») диалектами, а это ставит под сомнение его праиндоевропейский характер. Даже признавая некоторые случаи наличия лабиальной фонемы в праиндоевропейской Серии I (традиционный звонкий $*b$), мы должны все-таки говорить о его высокой маркированности, а это является достаточным типологическим основанием для рассмотрения всей серии как состоящей из глухих, особенно из глоттализированных или эктивных (смычно-гортанных). Далее, рассматривая ограничения состава корня в праиндоевропейском, О. Семереньи пытается объяснить с традиционной точки зрения ограничение [звонкий придыхательный] — [глухой] и [глухой] — [звонкий придыхательный] на основе ассимиляции (между прочим, это совпадает и с нашим объяснением в свете Глоттальной теории), но автор оставляет необъясненным ограничение [звонкий] — [звонкий], поскольку оно не находит удовлетворительного объяснения в традиционной теории. Кроме того, почему следует допускать ассимиляцию в [звонкий придыхательный] — [глухой] и [глухой] — [звонкий придыхательный] в то время, как ассимиляция отсутствует в [звонкий] — [глухой] и [глухой] — [звонкий]? Поразительно, что в своих рассуждениях о глоттализированных смычных автор даже не упоминает классическую работу Гринберга [16], где он мог бы найти ответы на многие из поднятых вопросов. Читая работу О. Семереньи, нельзя избавиться от впечатления, что один из первых сторонников «нового взгляда» на праиндоевропейский (хотя в данном случае нельзя отметить каких-либо положительных результатов, поскольку О. Семереньи предлагает вернуться к четырехрядной модели праиндоевропейского консонантизма Бругмана) отказался от своего прежнего подхода к теоретическим проблемам реконструкции и пытается в то же время отвергнуть без какой-либо удовлетворительной мотивировки любые попытки других ученых следовать по тому же теоретическому пути.

⁴ С другой стороны, некоторые сторонники Глоттальной теории, даже те, которые внесли наибольший или меньший вклад в ее разработку и развитие и основывают свои реконструкции на посылах этой теории, даже не чувствуют себя обязанными назвать по имени своих предшественников — ее создателей. Процедура проста. В ранних статьях некоторых авторов, где высказывается одобрение нашей теории и согласие со взглядами ее создателей относительно первоначально глоттального характера традиционных праиндоевропейских чистых звонких смычных и со всеми вытекающими отсюда следствиями, авторы этой теории называются по имени. Однако в последующих своих работах, посвященных праиндоевропейским глоттализированным и истории их

в доиндоевропейском вместо глоттализированных смычных, как это предложено Хайдером в 1985 г. [19], то необходимо указать, что ряд «звонких имплозивных», как показал Гринберг в 1970 г., характеризуется тем же иерархическим соотношением маркированности или доминантности, что и «чистые звонкие» смычные (немаркированные — доминантные — лабиальные: маркированные — рецессивные или полностью отсутствующие — велярные элементы). Это находится в противоречии с данными о сериях традиционных «чистых звонких смычных» в праиндоевропейском, куда входили сильно маркированный лабиальный *b и немаркированный велярный *g. Праиндоевропейские «звонкие имплозивные» просто не могли дать того, что традиционно известно в и.-е. как серия «чистых (простых) звонких смычных»⁵.

Постулирование более ранних стадий с различными видами фоном для праиндоевропейского, призванных объяснить типологические неувязки традиционной системы, восходит к первой попытке реинтерпретировать классическую систему, предпринятой Х. Педерсеном в 1951 г. [20]. Педерсен предлагал внести такие изменения на доиндоевропейской стадии (Vorindoeuropäisch), оставив нетронутой традиционную систему праиндоевропейского (Gemeinindoeuropäisch). Подобные внутренние реконструкции различных типологически допустимых доиндоевропейских стадий оставляют необъясненным факт перехода от таких предположитель-

постулирования, ссылаются не на оригинальную работу первых создателей теории, а на свои собственные статьи, опубликованные ранее, что создает ложное впечатление и оставляет читателя в неведении относительно истинных авторов Глоттальной теории. В отличие от подобной практики хотелось бы сослаться на недавнюю фундаментальную работу М. Майрхофера, посвященную сравнительной и.-е. фонологии [17]. В этой работе дается объективная картина развития праиндоевропейских фонологических исследований (ср. также блестящую лекцию М. Майрхофера об и.-е. сравнительной лингвистике [18]), в которой автор рассматривает историю и.-е. языкознания как некоторый процесс постепенного отхода от древнеиндийского в качестве модели для праиндоевропейского. М. Майрхофер выделяет пять этапов в таком развитии и.-е. сравнительных исследований с начала XIX в. и до наших дней: Шлегель — Шлейхер — закон палатализации — ларингальная теория — глоттальная теория.

⁵ Представляются неприемлемыми попытки объяснить этот факт на основе изменения постулированного доиндоевропейского имплозивного *b в праиндоевропейский *m [19, с. 12]; при этом допускается, что *d и *g изменились в праиндоевропейские *d, *g соответственно. Это оставляет лауну в новом ряду праиндоевропейских звонких смычных, а именно в билабиальной точке, которая, между прочим, является наиболее обычной точкой артикуляции ряда звонких смычных, как и ряда «звонких имплозивных» (рассмотрение весьма спорного праиндоевропейского корня *bel- «сила» в качестве примера звонкого *b в праиндоевропейском, конечно, не может спасти положение).

Независимо от этого постулирование «звонких имплозивных», даже для доиндоевропейского периода, оставляет необъясненным ограничение, налагаемое на структуру корня и исключающее одновременное наличие в корне двух звонких смычных (корни типа *deg-), что является одной из наиболее заметных типологических неувязок классической праиндоевропейской системы. Этот «запрет» естественно объясняется фонетически при допущении правила невозможности одновременной представленности двух глоттализированных согласных, что является глубоко фундаментальной типологической закономерностью в противовес тезису об одновременной встречаемости «звонких имплозивных».

Хайдер считает, что постулирование глоттализированных согласных создает непреодолимые трудности в связи с наличием редупликаций типа греч. *di-dō-mi*, др.-инд. *da-dā-mi* [19, с. 8]. Однако если даже считать этот тип глагольной редупликации праиндоевропейским по происхождению, не представляет никакой трудности постулировать праиндоевропейскую структуру *t'V-t'oH-* с двумя гомоганними глоттализированными смычными, следующими друг за другом. Дело в том, что типологический «запрет» касается тенденции невозможности одновременной представленности двух гетероганних глоттализированных смычных, а двегоморганные глоттализированные смычные согласные могут свободно комбинироваться в словоформе.

но стабильных конфигураций к весьма нестабильной системе, известной под названием традиционного праиндоевропейского, которая позднее якобы опять преобразовалась в типологически стабильные системы исторических и.-е. диалектов⁶.

Можно было бы назвать все эти «вновь изобретенные» конструкты заблуждением, возникшим в результате попыток любой ценой «спасти» традиционный взгляд на праиндоевропейский, несмотря на то, что проти-

⁶ Подобная нестабильная и «менее экономная» традиционная праиндоевропейская система допускается также индоевропеистом и арменистом А. Писовичем, который пытается «опровергнуть» Глоттальную теорию на основе данных армянского языка [21]. Свое «опровержение» глоттальных в праиндоевропейском Писович, как это ни странно, основывает на анализе «звонких аспират» в современных армянских диалектах, которые он считает «шепотными согласными». Не вступая с ним в спор относительно фонетического характера этих согласных в современных армянских диалектах, мы по-прежнему придерживаемся взгляда, что эти звуки, наряду с чистыми звонкими смычными, являются аллофонами отдельных фонем, которые можно охарактеризовать как «звонкие смычные», ибо они находятся в дополнительной дистрибуции и обнаруживают неодинаковые модели в разных армянских диалектах. Основным вопросом здесь является дополнительность дистрибуции, а не модели распределения. При этом мы вовсе не хотим сказать, что дистрибуция «аспираты в начальной позиции — не-аспираты в средней позиции» является релевантной особенно для диалекта Джульфы, как это описано У. С. Алленом [22]. На статью У. С. Аллена мы ссылаемся в своей монографии в связи с общей концепцией дополнительности дистрибуции звонких аспират — не-аспират в современных армянских диалектах (ср. с. 42 нашей книги). Что же касается конкретной дистрибуции «аспираты в начальной позиции — не-аспираты в средней позиции» в современных армянских диалектах, то она верна не для Джульфы, а для ряда других современных армянских диалектов, например, диалектов в районе Арабата и др. Однако все это не имеет никакого отношения к постулированию глоттальных в праиндоевропейском, а относится только к статусу «звонких аспират» в армянском. По этому вопросу Писович обнаруживает большую приверженность традиционным взглядам. Статус «звонких аспират» можно интерпретировать диахронически в двух направлениях — как сохранение аспирации или ее более позднее развитие в армянских диалектах. Это последнее допущение — менее правдоподобно в связи с отсутствием в языковом окружении армянского языков, обладающих звуками этого типа, независимо от того, называть ли их в рамках фонетической терминологии «звонкими аспиратами» или смычными с «дифинизированным» произношением, как предлагает Писович.

Писович поднимает еще один вопрос, который, по его мнению, поддерживает традиционные воззрения на праиндоевропейские смычные в отличие от Глоттальной теории. Речь идет о развитии праиндоевропейской последовательности **du-* (т. е. **t'u-*) в *-erk-* в армянском. При этом он, как кажется, игнорирует богатую литературу, посвященную этому вопросу. В этой литературе разъясняются различные пути такого развития, в частности, постулируется глухая последовательность *-tu-*, которая непосредственно дает глухой *k*, минуя промежуточную ступень утраты звонкости *g > k*, возникающую в результате сдвига согласных в армянском (этому сдвигу не подвержены ясные примеры со звонкой фонемой *y*, возникающей из *y*, (ср.: *gini* «вино», *get* «вода», *kogî* «масло» и др.); последнюю литературу вопроса см. [15, 23]. Я считаю ненужным подробно останавливаться здесь на устаревших и поверхностных соображениях Писовича относительно фонетического характера глоттальных согласных — экзистивов и инъективов, относительно глухого характера глоттализированных смычных и т. д. и т. п. Этот вопрос подробно разбирается в нашей монографии. Я бы посоветовал автору обратиться в этой связи к статье Гринберга 1970 г., специально посвященной глоттальным смычным, поскольку он, как кажется, с ней не знаком [16].

Другой арменист, Г. Б. Джаукян, также скептически относится к Глоттальной теории, главным образом в связи с неверно понятым статусом фонемы **b* в праиндоевропейском (ср. [24]). Достаточно сказать, что Джаукян, критикуя Глоттальную теорию, продолжает приводить примеры типа др.-инд. *pibati*, лат. *bibit* и т. д. в качестве иллюстрации нормальной дистрибуции звонкого **b* в праиндоевропейском (!). Его недавняя статья не прибавляет ничего нового к его более ранним возражениям против постулирования глоттальных в праиндоевропейском. Это, как отмечено в нашей монографии, является свидетельством отсутствия адекватного понимания тех проблем, которые встают при типологическом подходе к сравнительной реконструкции праиндоевропейского.

воречивость и недостатки классической и.-е. парадигмы становятся все более очевидными в современных сравнительно-исторических исследованиях и.-е. языков.

Следует указать, что Глоттальная теория с самого начала была поддержана рядом ученых, особенно молодыми, которые в свете новой теории предложили интересные объяснения фонетического развития отдельных и.-е. диалектов (ср. особенно [25—28]). Однако в настоящее время мы должны признать — более чем через десятилетие после первой публикации основных положений этой теории в 1972 г. — что хотя она и была принята рядом выдающихся ученых (М. Майрхофером, В. П. Леманом, Э. Полеме, А. Мартине и др.), ее с трудом восприняли некоторые индоевропеисты более старого поколения. Это вполне понятно психологически и еще раз свидетельствует о том, что Глоттальная теория является новой парадигмой в индоевропеистике. Более консервативное старшее поколение не склонно обычно расставаться со старыми и привычными взглядами и идеями и предпочитает работать в рамках традиционной, освященной временем и, следовательно, более обычной парадигмы, несмотря на то, что ее противоречивый характер становится все более очевидным (в этой связи можно было бы вспомнить и известный принцип Макса Планка).

В заключение можно было бы привести слова одного из наиболее ранних проповедников Глоттальной теории — американского лингвиста П. Хоппера. Размышляя о стратегии тех индоевропеистов, которые её еще не приняли, он писал: «Будут ли они пытаться показать, что фактические данные, на которых строится теория, неверны (ограничения, налагаемые на структуру корня, дистрибуция **b*, морфофонемика *mediae*, различия в частотности точек артикуляции)? Попытаются ли они утверждать, что фактические данные верны, но нерелевантны? Или эти данные соотносимы с какими-то другими типологическими фактами? Будут ли они утверждать, что эта теория достоверна, но применима лишь к доиндоевропейскому и может благодушно игнорироваться индоевропеистами? Оporочат ли они сам метод внешней реконструкции в надежде, что данные, полученные на основе внутренней реконструкции, не могут служить для обоснования теории? Возможно, с другой стороны, те, кто работает в традиционном ключе, найдут для себя более удобным игнорировать радикальные ревизии, которые были предложены за последнее десятилетие, в надежде, что эти новшества сами собой отпадут, оставшись незамеченными (что мало вероятно), или что принятие предложенных изменений все большим числом ученых не будет иметь никаких существенных последствий для осмысления праиндоевропейского (еще менее вероятная возможность)» [14].

Можно выразить убеждение, что Глоттальная теория как новая парадигма в и.-е. сравнительном языкознании со временем приобретет еще больше сторонников среди индоевропеистов всех поколений, что в свою очередь явится мощным импульсом дальнейшему развитию и.-е. сравнительных штудий. Это сделает такие исследования более ориентированными на теорию и значительно расширит их культурно-исторические горизонты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Baldi Ph.* // General linguistics. 1981. V. 21. № 1. Rec.: Festschrift for O. Szemerenyi on the occasion of his 65-th birthday. Amsterdam, 1981.
2. *Lehmann W. P.* Proto-Indo-European phonology. Austin, 1983.

3. *Lehmann W. P.* Reflexes of PIE // *Linguistics across historical and geographical boundaries*. V. 1: Linguistic theory and historical linguistics. Berlin, 1986.
4. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I—II. Тбилиси, 1984.
5. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В.* Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных // *Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные материалы*. М., 1972.
6. *Dunkel G.* Typology versus reconstruction // *Bono homini donum. Essays in historical linguistics in memory of J. Alexander Kerns* / Ed. by Arbeitmann Y. L. and Bomhard A. R. Amsterdam, 1981.
7. *Ruhlen M.* The geographical and genetic distribution of linguistic features // *Linguistic studies offered to J. Greenberg on the occasion of his sixtieth birthday*, Saratoga, 1977.
8. *Maddieson I.* Patterns of sounds. Cambridge, 1984.
9. *Ruhlen M.* A guide to the languages of the world. Stanford, 1975.
10. *Vennemann Th.* Phonological and morphological consequences of the «Glottalic theory» // VII International Conference for historical linguistics. Pavia, 1985.
11. *Hopper P.* The typology of Proto-Indo-European segmental inventory // *JIES*. 1977. V. 5. № 1.
12. *Jacquois G.* La structure des racines en indo-européen envisagée d'un point de vue statistique. Wetteren, 1966.
13. *Меликишвили П. Г.* К изучению иерархических отношений фонологического уровня // *ВЯ*. 1974. № 3.
14. *Hopper P.* Areal typology and the early Indo-European consonant system. N. Y., 1982.
15. *Szemerényi O.* Recent developments in Indo-European linguistics // *Transactions of the Philological Society*. L., 1985.
16. *Greenberg J.* Some generalizations concerning glottalic stops, especially implosives // *IJAL*. 1970. V. 36.
17. *Mayrhofer M.* Indogermanische Grammatik. Bd. I. Halbband 2: Lautlehre (Segmentale Phonologie des Indogermanischen). Heidelberg, 1986.
18. *Mayrhofer M.* Sanskrit und die Sprachen Alteuropas. Zwei Jahrhunderte des Widerspiels von Entdeckungen und Irrtümer // *NAWG*. 1983. № 5.
19. *Haider H.* The fallacy of typology. Remarks on PIE stop-system // *Lingua*. 1985. V. 65.
20. *Pedersen H.* Die gemeinindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschlusslaute. København, 1951.
21. *Pisowicz A.* Objections d'un arménologue contre la Théorie glottale // *Folia Orientalia*. 1987.
22. *Allen W. S.* Notes on the phonetics of an Eastern Armenian speaker // *Transactions of the Philological Society*. L., 1950.
23. *Vennemann Th.* Syllable-based sound changes in Early Armenian // *Annual of Armenian linguistics*. 1986. V. 7.
24. *Джаукян Г. Б.* О так называемой глоттальной теории в индоевропеистике // *ВДИ*. 1986. № 3.
25. *Bomhard A. R.* An outline of the historical phonology of Indo-European // *Orbis*. 1975. T. XXIV. № 2.
26. *Normier R.* Idg. Konsonantismus, germ. «Lautverschiebung» und Vernersches Gesetz // *KZ*. 1977. 91. Hf. 2.
27. *Kortlandt F.* Historical laws of Baltic accentuation // *Baltistica*. 1977. XIII. 2.
28. *Vennemann Th.* Hochgermanisch und Niedergermanisch. Die Verzweigungstheorie der germanisch-deutschen Lautverschiebung // *PBB*. 1983. 106. Hf. 1.